

Joanna Korzeniewska-Berczyńska

"Homo sovieticus" в зеркале польского и российского общественного сознания : стереотипы : миры : реальность

Acta Polono-Ruthenica 1, 359-367

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Joanna Korzeniewska-Berczyńska
Olsztyn

„Homo sovieticus” в зеркале польского и российского общественного сознания. Стереотипы. Мифы. Реальность

Человек всегда остается демиургом бытия; изучая в социолингвистическом аспекте советскую и постсоветскую действительность, невозможно обойти вниманием этого активного создателя советского мира и носителя его традиции.

Проблематика *homo sapiens* как творческого начала занимает особое место в русле антропологической философии, изобилуя разнообразием подходов и точек зрения; как правило, доброжелательно изучают человека древнегреческие философы, воспринимая его как один из элементов космополиса, обязанного подчиняться внутреннему праву, общему для всех обитателей Планеты. По мере развития цивилизации, а вместе с тем - набора человеческих пороков, зарождается новое видение вещей вплоть до рецепции его как непредсказуемой мерзости, недостойной никакого уважения, а тем более - внимания. В границах этих полярных подходов мы находим множество концепций, поисков, умозаключений.

Такой относительный баланс разрушает в 30-е годы „советский антропологический ренессанс”, низвергающий „старого” человека и насаждающий пропагандистский стереотип о нравственном (и не только) превосходстве нового, т.н. „простого советского человека”, яркого коллективиста без лица, бытующего согласно узаконенному государственно-партийному эталону.¹ Таким образом, можно су-

¹ Ф. Искандер, *Человек идеологизированный*, „Огонек”, 1990, № 40; Л. Овруцкий, *„Новый человек” или 200 лет одной утопии*, „Огонек”, 1989, № 28. Полный список литературы находится в книге: И. Коженевска-Берчинска, *Новации в языковой картине мира российского человека. На основе современных публицистических текстов*, Олштын 1996.

дять, что вся идея нового человека вписывается, хотя немножко странным образом, в поиски путей постижения человека антропоцентрической философией, бурно развивающейся в конце XIX и в начале XX века.

Тем не менее в условиях перестроечной гласности миф о советском человеке подвергается безжалостному крушению, а сквозь инвективы и страстные обвинения пробивается представление о человеке реальном: обездоленном, отчужденном и обманутом. Наличие процессов семантических сдвигов и переосмыслений выражается часто ироническими кавычками („советский человек”, „простой советский человек”), а также окказионализмами, например, гомо апплодисментус.² Термин „homo sovietikus” появляется в СССР официально в первые годы перестройки, видимо, благодаря знаменитой книге А. Зиновьева.³

В данном тексте мы даем лишь штрихи к портрету, написание которого вряд ли до конца постижимо... Отобранный из советской, российской и польской публицистики материал мы группируем таким образом:

1. Генезис понятия и незаконченная история обитания гомо советикуса.

2. География „гомосоветскости”.

3. Гомо советикус наших дней.

1. Довольно распространено мнение о том, что у гомо советикуса своя праистория. Сугубо негативные свойства, которые он олицетворяет, выступают среди представителей человеческого племени в изобилии, хотя по насыщенности уступают советскому архетипу как объекту чрезмерной концентрации таковых. В Советском Союзе пятидесятых-шестидесятых годов „советский человек” продолжает звучать гордо, но после лагернотюремного опыта поляков, по горячему следу появляются глубоко критические исследования. Мы хотим сказать, в первую очередь, об оригинальных произведениях писателя, поэта и философа А. Вата, особенно о сборнике его эссе *Świat na haku i pod kluczem*.⁴ Обитание в одиннадцати советских тюрьмах дает ему основание теоретически ос-

² М. Капустин, *Конец утопии, Прошлое и будущее социализма*, Москва 1990.

³ А. Зиновьев, *Гомо советикус. Мой дом - моя чужбина*, Москва 1991.

⁴ А. Wat, *Świat na haku i pod kluczem*, Warszawa 1989.

мыслить суть советского мира и советского человека. Обратим здесь внимание лишь на две синтезирующие цитаты: „Stalin stworzył świat semantyki nie-naturalny, ale przymusowy, ale zakorzeniający się w głębinach świadomości [...] każde słowo mogło oznaczać każdą rzecz”. И еще: „Ideal i istota «człowieka sowieckiego» polega na tym, że jest on przede wszystkim i par excellence homo instrumentalis [...] Aby to osiągnąć, trzeba do gruntu zmienić strukturę ludzkiej świadomości”⁵

Расширением анализа Вата, который признан „вивисекцией идеологии и практики коммунизма”, можно считать оценку условий, породивших феномен советского человека. Например, историки М. Геллер и А. Некрич отмечают, что в 30-е годы в атмосфере, как правило, вынужденной, но и стихийной эйфории, вызванной масштабами экономических трансформаций, система стремится лепить нового человека, а этот идеал должен обладать следующими свойствами: вполне послушный, не рассуждающий, покладистый и зашоренный энтузиаст, строящий наподобие Работяги из *Скотского уголка* Дж. Оруэлла⁶ „светлое коммунистическое будущее”. Со временем, богатым событиями, вера в великолепные перспективы иссякает; в процессе перековки насильственно вдалбливается изнемогающему человеку догма о совершенстве советского мира, в котором любая модификация, не поощряемая начальством, - всегда к худшему.⁷ Такие приемы социальной инженерии рождают фанатиков, обезличенных и беспринципных, яростных коллективистов, которые из любви к человечеству забывают человека и ненавидят его, приветствуя зато государственного раба.

2. Концентрация в одном генотипе стольких отрицательных характеристик возможна, по-видимому, только в результате длительного и последовательного воздействия пропагандистского прессы, в распоряжении которого имеются все инструменты физического и психологического принуждения; поэтому гомо советикус - дитя тоталитарных режимов.⁸

⁵ Там же, с. 164.

⁶ Дж. Оруэлл, *Скотский уголок*, [в:] *Фантастика 2. Антиутопия XX века*, Москва 1989.

⁷ M. Heller, N. Niekricz, *Utopia u władzy*, t. 2, Warszawa 1989.

⁸ H. Arendt, *Korzenie totalitaryzmu*, Warszawa 1989; M. Джилас, *Лицо тоталитаризма*, Москва 1992; V. Klemperec, *LTI. Notatnik filologa*, Warszawa 1989.

Болезнь „гомосоветскости” не обошла, разумеется, жителей так называемого социалистического лагеря, в связи с чем значительно расширяется поле исследовательских наблюдений. Подтверждается умозаключение Зиновьева:

[...] Гомосос - это гомо советикус, или советский человек как тип живого существа, а не как гражданин СССР [...] Человек, который обладает более или менее полным комплексом гомососа, проявляет их систематически, передает их из поколения в поколение и является массовым и типичным явлением в данном обществе [...] Это человек, порождаемый условиями существования общества социалистического (коммунистического), являющегося носителем принципов жизни этого общества.⁹

Мнению Зиновьева созвучна мысль А. Михника:

[...] W każdym z nas jest homo sovieticus. Kto temu przeczy - łże. Myśmy wszyscy pili z tego dzbana. Wszyscy to w sobie nosimy, miotamy się z tym, kluczymy, żeby się zanadto nie odrywać od swoich starych, ciepłych myśli, do którychśmy przywykli.

Географическое пространство, в котором обитает гомо советикус, еще более расширяет Михник своими общетеоретическими замечаниями:

[...] Zinowiew wymyślił [?! - И. К.-Б.] homo sovieticus, żeby opisać to, co w człowieku kształtowanym przez komunizm zostaje także wówczas, gdy znajduje się w nie-komunistycznym otoczeniu.¹⁰

Итак, оказывается, что остается очень многое. Как ни странно (для поляков) гомо советикус обитает успешно в католическом костеле (равно как и в церкви). Михник заявляет:

[...] Bo sovieticus ma najgłębsze w świecie przekonanie, że drugi jest świnią. Ono nie bierze się z oglądu drugiego człowieka, ale legitymizuje się odwołaniem do autorytetu [...] przekonaniem, że taka jest prawda Kościoła.

⁹ А. Зиновьев, *Гомо советикус...*, с. 309-310.

¹⁰ А. Michnik, J. Tischner, J. Żakowski, *Między panem a plebanem*, Kraków 1995, с. 619.

Аналогичное мнение выражает ксендз профессор И. Тишнер, которого, естественно, никто не может упрекнуть в незнании сущности его среды обитания:

[...] homo sovieticus przeniknął w głąb państwa komunistycznego, ale i do wnętrz kościołów. Zawsze pełen roszczeń, zawsze gotów do obwiniania innych, a nie siebie, chorobliwie podejrzliwy.¹¹

3. Стремясь к вынужденной лаконичности, мы сосредоточим внимание лишь на некоторых непреходящих пороках, которые свидетельствуют, что гомо советикус „вечно живой”. По отношению к российскому социополитическому пространству это обусловлено может быть тем, что „наибольший отклик в душе русского человека вызывает обещание невозможного. Русского нельзя увлечь без утопии, без насилия над здравомыслием”.¹² Следует подчеркнуть, что изменение образа жизни - это всегда самый сложный процесс, тем более, если он относится к социуму в целом. Для того, чтобы перестроиться, надо обладать некоторой пластичностью, знанием иных (кроме отечественного) мироустройств, а также прочувствованностью необходимости в перестройке. Новые лозунги и заверения, адресованные советскому человеку так называемыми демократами (не в белых ведь одеждах), не действуют автоматически. Тем более, что он продолжает обладать неправдоподобно развитым умением приспособляться. Он привык к относительному уюту предсказуемого во всех деталях так называемого советского образа жизни со всеми его странностями, недостатками, вопьющей особостью.

Располагая богатым фактическим материалом (пресса так называемого демократического и умеренного толка, книжная польская публицистика 1988 - 1995), мы склонны утверждать, что лишь отдельные отрицательные качества гомо советикуса уходят в прошлое. Это происходит из-за их ненадобности в новом мироустройстве. Большинство из них „запрограммированный человек” не в силах преодолеть. Подобное состояние духа образно выражает, например, А.Афанасьев: „Цивилизовать нас необходимо, но для

¹¹ J. Tischner, *Nieszcześnie dar wolności*, Kraków 1993, s. 34.

¹² „Независимая газета”, 9 IV 1993.

этого нужна смена поколений. [...] Наши дети умнее и лучше нас разберутся в существе вопроса”¹³. Тем более, что, как отмечает А. Удальцов, „мы жили в перевернутом мире. Но сейчас находимся в не менее перевернутом.”¹⁴ Целесообразно добавить еще удачный перифраз мысли Достоевского, характеризующий новый миропорядок в России: „Если Бог есть, то все дозволено”¹⁵.

Из довольно богатого набора пороков гомо советикуса наших дней мы отобрали для краткого сравнительного анализа лишь несколько, на наш взгляд, наиболее устойчивых и наиболее характерных. Итак, оппозиция **самоунижение: самоотрицание**. Первое можно считать равнодействующей чувства неполноценности и наследством коммунистического воспитания. Оно проявляется прежде всего в страсти к нравоучениям, жажде доказать свое превосходство и свою власть, даже если она очень „мини”. Самоунижение-самоотрицание - это возобновленное свойство в народном менталитете, что можно документировать хотя бы такими примерами: „Мы государственные рабы”¹⁶; „наша никчемность и неполноценность”¹⁷; уничижающее мнение „Все мы совки несчастные, в большей или меньшей степени”¹⁸.

С 1990 года повсеместно говорится еще об иждивенческой, потребительской, люмпеновской психологии. Тишнер называет это свойство немножко иначе: „świadomość złodziejsko-żebzacza, когда „pamięć o przykazaniu «nie kradnij» idzie w parze z głęboką potrzebą jego przekroczenia [...]. Żyją doświadczeniem uzycia, chętnie okradają słabszych, a zebrzą u silniejszych”¹⁹.

Бегство от свободы - еще одно проявление люмпеновского сознания, хотя на иной почве, но оно выступает и у обитателей высокоразвитых цивилизаций. Итак, рядом с сильным желанием

¹³ „Комсомольская правда”, 24 IV 1991.

¹⁴ „Литературная газета”, 9 V 1995.

¹⁵ „Независимая газета”, 11 XII 1993.

¹⁶ „Огонек”, 1990, № 36.

¹⁷ „Мир России”, 1993, № 1.

¹⁸ „Литературная газета”, 26 I 1994. Уничижительное определение „совок” появляется на разговорном уровне где-то с первых месяцев 1990 г. Полное осмысление понятия проводит А. Генис („Независимая газета”, 15 IX 1992), хотя его объективизм весьма сомнителен.

¹⁹ J. Tischner, *Nieszczęsny dar...*, с. 30.

быть свободным (ассерции типа: „Человек имеет право быть свободной и мыслящей личностью”, „Потребность свободного выбора решений является внутренним качеством человека” и т.п., и т.д.) не без реальных причин появляются рефлексии: „Рабство выбирают свободой, данной каждому человеку [...] Если человек раб, значит, таков его выбор, он сам так решил”.²⁰ С таким видением вещей совпадает, например, мнение Тишнера: „Sovieticus to jest kolejna odmiana nowoczesnego niewolnictwa. Takiego, w którym niewolnik cieszy się ze swojej niewolniczej pozycji, bo dzięki niej ma czyste sumienie. Jemu „kazali”, jemu „nie dali”.²¹ Кстати, этой амбивалентностью гомо советикус вписывается в мир цивилизационных дилемм: наслаждаться свободой или отдать ее в руки диктатору и превратиться в управляемый винтик, Свобода принесла и советскому человеку ощущение независимости, а также рациональности бытия, но вместе с тем пробудила в нем чувство бессилия и тревоги. Отчуждение и разобщенность, которые Сахаров определял как главные пороки советского мира,²² не убавились в наши исполненные свободы дни. И если мы соглашаемся со сверхвременным наблюдением Вата: „Zasadą naczelną w społeczeństwie komunistycznym jest skłócenie wszystkich ze wszystkimi, stałe rozluźnianie więzów społecznych”,²³ то россиянин АД 1995 не менее одинок, причем беспощадно брошен на произвол судьбы. В этом состоит драма человека, который избавился от политического рабства и стал заложником нищеты. Кстати, актуальной остается мысль Зиновьева: „Если человек поставлен в условия, которые ниже некоторого минимума [...], безнравственно требовать от него быть нравственным”.²⁴

Наличие старых пороков совка, а также их ипостасей мы считаем результатом равно генетической наследственности, как и ужасов безвременья, которые испытывает изнемогающий человек. Официально гремят призывы к добропорядочности и благосклонности, реанимированы понятия: милосердие, благочестие, искупление, покаяние и т.п. Однако на практике самым распространенным

²⁰ „Московские новости”, 16 I 1994.

²¹ J. Tischner, *Między panem...*, с. 593.

²² *Сахаровский сборник*, Москва 1991, с. 20.

²³ A. Wat, *Świat na haku...*, с. 242.

²⁴ А. Зиновьев, *Гомо советикус...*, с. 174.

остается знакомый призыв: *долой!* Конфронтативное сознание находит благосклонную почву среди простых смертных и, естественно, продолжает сохранять норму для опьяневшей от беспредельной власти элиты, о которой сами россияне говорят:

[...] Сегодняшние демократы, стоящие у власти, с демократией имеют мало общего. На самом деле они - это изменившие личину и переименованные вывеску „совки”.²⁵

Можно добавить, что они поражающе напоминают „партийных чинов с тупыми, жирными мордами”.²⁶

Подозрительность-конфронтативность как поведенческий узус, неумение жить без врага, зависть, агрессивная нетерпимость к любому инакомыслию, яростное неприятие перемен, главным образом - частной собственности (стремление к уравниловке) - это, пожалуй, главные опознавательные знаки гомо советикуса наших дней. „W całym byłym obozie pojawia się filozofia dyskryminacji ludzi poprzedniego systemu. Zrobić z nich „lisieńców - pozbawić ich praw obywatelskich”.”²⁷ Итак, ненависть, презрение, нетолерантность в менталитете польских гомо советикусов. Можно утверждать, что подобные негативные эмоции здесь не так сильно выражены. Мы усматриваем главную причину данного факта в том, что у нас система воздействовала на духовный мир человека значительно короче.

Непредсказуемость человека, а также доля „гомосоветскости”, обитающая в каждом из нас, исключает достоверность любых однозначно осуждающих оценок: „Человек! Приглядишься к себе, и ты узришь в себе самом, по крайней мере, эмбрион этого венца творения”.²⁸

Сопоставление мнений российских и польских исследователей призывает нас к разумной покорности, к самоанализу, к отказу от присущего человеческому роду рвению клеймить, зачеркивать, уничтожать. Масштабы поражения „гомосоветскостью” говорят

²⁵ „Независимая газета”, 29 VI 1994.

²⁶ А. Зиновьев. *Гомо советикус...*, с. 238.

²⁷ А. Michnik. [в:] *Między panem a plebanem*, с. 594.

²⁸ А. Зиновьев. *Гомо советикус...*, с. 313.

о том, что это явление не знает ни временных, ни пространственных границ, что наша порочная натура охотно впитывает начала Единственно Правильного Учения, что выбор между рабством и свободой - одна из основных экзистенциальных проблем современного человека. Наш иммунологический барьер слаб, вирусы гомосостава свирепствуют по сей день. К счастью, есть основания верить, что зараза не превратится в глобальную эпидемию.